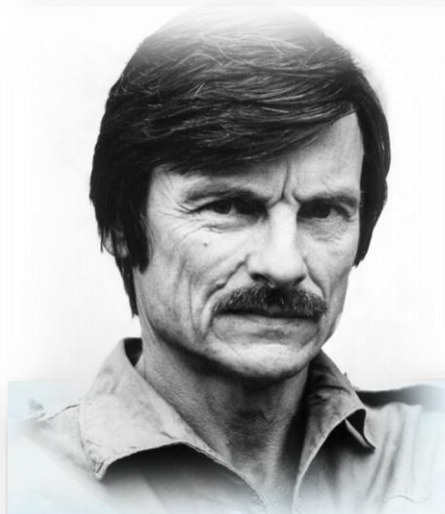

ИБРЦ ИРО Краснодар, 023 г

СРЕДИ ХОЛМОВ ЮРЬЕВЕЦ.

*Вот Юрьевец, Юрьевец, город какой —
Посмотришь в бинокль на него с высоты —
У самой воды, под самой горой
В две улицы тянется на три версты...*

ВикиЧтение

<https://biography.wikireading.ru/240514>

А у Андрея было два города детства – Москва и Юрьевец.

1936-2006

...Разлившаяся Волга поднимается к высокому горизонту серебристой стеной, вдалеке яркой сочной зеленью сияют Асафовы острова. Мы стоим на вершине высоченного холма, вдоль подножья которого протянулся Юрьевец, один из древнейших городов России. Здесь, на высоте, кажется, будто паришь на ковре-самолете над старинными улочками и домиками, амфитеатром окружившими стройную Георгиевскую колокольню. Закатное солнце рельефно высвечивает город, реку и заречье низкими прострельными лучами. Необъятная ширь, благодать, тишина.

Хотя какая, скажите на милость, тишина, если в любой момент из-за острова на стрежень могут вылететь расписные челны Стеньки Разина, разбойные струги Асафа или удалого Ермака Тимофеева, который прежде, чем отправиться покорять Сибирь, успел поушкунничать в здешних местах!..

Мы отправились в Юрьевец, чтобы побывать в музее Андрея Тарковского и воочию увидеть места, связанные с его детством в июле 2005-го.

Долгий путь от Кинешмы по однообразной равнине с заброшенными полями, разрушенными фермами, уродливыми бетонными остатками элеваторов и коровников не предвещал ничего особенного – обычный постколхозный пейзаж. Только когда подъехали к мосту через Немду, непроизвольно потянулись за фотокамерами. Подумалось: вот она, Русь заветная, заповедная и дремучая! Сверкающая на солнце речка,

васильковое поле за ней, стройная церковка, черные вековые избы и ряды покосившихся бань на фоне ясного неба. Прямо-таки ожившая картина передвизника!..

Еще с десятков километров – и путешественников встречает Юрьеvec памятным знаком (герб города), вековыми соснами и крутым спуском к Волге, вдоль которой расположилась старая часть города.

Вот Юрьеvec, Юрьеvec, город какой —

Посмотришь в бинокль на него с высоты —

У самой воды, под самой горой

В две улицы тянется на три версты...

Эти стихи Арсений Тарковский написал 70 с лишним лет назад. Однако с тех пор мало что изменилось. Две улицы вдоль набережной плотно заставлены домами, построенными в XVIII–XIX веках. Здания эти хотя порядком обветшали, но по-своему красивы и удивительно «к лицу» прибрежному пейзажу. Главное же украшение города – пятиярусная Георгиевская колокольня (1840 год), самая высокая на Волге – почти 70 метров с крестом.

Ее видно отовсюду – и с холмов, окружающих город, и с реки, и из каждого переулочка: засмотришься ли на древние почтовые ящики, приколотенные к березе, или кошка, ба лериной вышагивающая по забору, привлечет внимание, поднимешь глаза чуть выше, ан вот она, красавица, вызвавшая к жизни строки:

Плыл вниз от Юрьевца по Волге звон пасхальный,

И в легком облаке был виден город дальний,

Дома и пристани в дыму береговом,

И церковь белая на берегу крутом...

«Вот Юрьевец, Юрьевец, город какой». Фото 2005 года

Рядом с колокольной пристроились два Входаиерусалимских собора – летний и зимний. Плотность храмовой застройки удивительна: тут же стоит Рождественская церковь, возведенная в 1815 году пленными французами (!). Самая старая из сохранившихся церквей – Богоявленская (1620) приютилась на крутом склоне холма неподалеку от центральной площади. Ее еще называют Симоновской, поскольку хранятся в ней мощи жившего в XVI веке блаженного Симона Юрьевецкого.

Впрочем, сто лет назад церквей было еще больше. В городе, где проживало две с половиной тысячи человек, имелись приходское училище, больница (на 10 человек), деревянная тюрьма и 17(!) церквей.

Пронзительное воспоминание Андрея Тарковского – то, как в 1936 году ломали купола Симоновской церкви, окруженной древними липами и березами. Ему тогда было четыре с половиной года.

Мы с сестрой стояли в редкой толпе женщин, которые с затаенным страхом глядели вверх. Нас сопровождала наша бонна мадам Эжени,[41] толстая, неуклюжая лионка со злыми глазами навывкате и короткой шеей. В руках она держала фунтик, свернутый из бумаги, в котором шевелились коричневые блестящие муравьи. Нам было обещано, что в случае непослушания содержимое бумажного фунтика будет вытряхнуто нам за шиворот.

По крыше церкви, крикливо переговариваясь, деловито поднималось несколько мужиков. Один из них волочил за собой длинный канат. Добравшись до конька крыши, они окружили один из куполов и стали набрасывать канат на его узорный кирпичный барабан. Я подошел ближе и встал за корявым березовым стволом. В промежуток между людьми, стоящими вокруг, я на мгновение увидел встревоженное лицо бонны.

Я услышал, как где-то рядом заплакала женщина. Я оглянулся, но так и не нашел плачущую среди толпы. Голос ее совпал с криком старика в зеленом френче, который суетливо размахивая руками, шел вдоль церковной стены и отдавал приказания. Рабочие, стоявшие внизу, поймали брошенные с крыши концы каната и привязали их к основанию березы, у которой я стоял. Подбежавший старик оттолкнул меня в сторону. Между канатами просунули вагу и стали крутить ее наподобие пропеллера до упора. Вдруг, словно взвившаяся змея, канат стремительно свинтился вторым узлом. Эта вдвойне скрученная спираль стала медленно и напряженно удлиняться, и в этот момент я на секунду поднял голову и увидел высокий белый купол и над ним крест, еще неподвижный. Над церковной колокольной со звонкой колготней носились встревоженные галки.

Один из мужиков у березы крикнул что-то и всем телом упал на упругий канат. Его примеру последовали другие. Они набросились на звенящий канат и начали в такт раскачиваться на нем до тех пор, пока основание купола не стало поддаваться. Кладка начала крошиться, из нее вываливались кирпичи, и крест стал медленно крениться в сторону.

И вот, сначала все сооружение рухнуло вниз на железную крышу, потом с оглушительным грохотом на землю посыпались обломки кирпича, подымая клубы дыма, и, не успев закрыть глаза, я, ослепленный, уже почти ничего не видел, а только, кашляя, задыхаясь, вытирал ладонью слезы. Снова что-то обрушилось и, ломая длинные, до самой земли ветви берез, со скрежетом ударились о землю, подняв известковую пыль, которую порывистый волжский ветер стремительным облаком уносил между верхушками деревьев...

Большевики уничтожили большую часть храмов Юрьевца; остальные тоже могли бы исчезнуть с лица земли, поскольку при создании «Большой Волги» с каскадом электростанций и Горьковским водохранилищем город планировалось полностью затопить.

Существует предание о том, как местные жители, узнав о проекте, написали челобитную самому Сталину: «Отец родной, не погуби! Если исчезнет Юрьевец, от Костромы до самого Горького ни одного исторического города на Волге не останется.» Смиловившись, вождь народов разрешил построить защитную дамбу, сохранившую верхнюю часть города. Но в глубины рукотворного моря погрузились старинный

Кривозерский монастырь, кирпичный заводик, несколько храмов и окрестные села, стоявшие на берегах когда-то узкой и быстрой Волги.

В сценарии «Зеркала» есть эпизод, к сожалению, не вошедший в фильм: мальчик, плывущий под водой, видит в зеленоватой мгле дом, в котором он некогда родился.

Двухэтажный деревянный дом в селе Завражье (на противоположном от Юрьевца берегу Волги), где родился Андрей Тарковский, частично был спасен: верхнюю его часть разобрали и поставили на новый фундамент в другом месте. Теперь в этом спасенном срубе находится музей Андрея Тарковского, созданный подвижническими усилиями Галины Голубевой, местной учительницы.

Есть музей Андрея Тарковского и в Юрьевце – в деревянном доме, где семья Тарковских жила во время эвакуации.

Слева от дома-музея круто вверх, к поросшему соснами холму, идет улица Красноармейская, которые местные жители называют Овражной. Здесь нас ждало одно из самых поразительных впечатлений: в череде домов, частью жилых, частью заброшенных и заколоченных, сверкнул полуразбитыми стеклами прелестный низенький домик. В одном из окон его глядела на свет огромными печальными глазами детская кукла.

Покинутая, оставленная много лет назад, она сидела на подоконнике и все еще ждала возвращения обитателей дома – тех, кто когда-то здесь жил, любил и страдал, тех, кто поутру подтягивал гирьку настенных часов, тикавших в унисон с запечным стрекотаньем кузнечиков, тех, чей смех звонко рассыпался в полутемной горнице, кто ранним утром распахивал окна в сад, и счастье слепило глаза июльским светом.

Под сердцем травы тяжелеют росинки,

Ребенок идет босиком по тропинке,

Несет землянику в открытой корзинке,

А я на него из окошка смотрю,

Как будто в корзинке несет он зарю.

Это тоже написано в Юрьевце, в 1933-м. После лета 1936 года, которое Андрей и Марина провели у бабушки в Юрьевце. Мария Ивановна забрала Веру Николаевну в Москву. В это время из семьи ушел Арсений, ей пришлось пойти работать, а за детьми требовался присмотр. К счастью комнату в доме № 8 на улице Энгельса (ныне она переименована в улицу Андрея Тарковского) Вере Николаевне удалось оставить за собой. Это помогло им, когда началась война. Немцы стремительно приближались к Москве, и пришлось эвакуироваться. В августе 1941-го семья вернулась в Юрьевец.

Марина Тарковская вспоминает: Маме не удалось устроиться на работу, мест не было. Жили на половину папиного военного аттестата и на мизерную бабушкину пенсию. Цены на рынке были фантастическими. Мама увязывала на санки барахло, привезенное из Москвы, и через замерзшую Волгу шла на левый берег в дальние деревни обменивать на продукты. Мы с Андреем жили своей детской жизнью. Учились в начальной школе, которая помещалась в бывшем доме купца Флягина. На первом этаже были классы, на втором – зал, где проходили «утренники» и «крутили» кино. (Крутили в прямом смысле – ручку движка.) Андрей был постоянным участником школьной самодеятельности – у него был высокий мальчишеский голос. Правда, пел он неохотно – дразнили местные ребята. Зимой Андрей катался с ними на лыжах с отвесных гор – чувство страха у него отсутствовало. Как и все, мы жили вестями с фронта. И два года каждый день бегали встречать почтальона, ждали писем с фронта – от папы...

Одноклассница Андрея Маргарита Полушкина, сидевшая с ним за одной партой, говорит, что он сильно отличался от других учеников – «такой хрупенький, такой интеллигентненький, веснушечки на носу...»

А вот что вспоминал Андрей Тарковский: Во время эвакуации, когда мы жили в Юрьевце – зимы были прекрасными. Видимо, оттого, что в этом маленьком городке на Волге не было никаких заводов, способных перепачкать зиму. В 1942 году, в канун Нового года, там выпало столько снега, что по городу было почти невозможно ходить. По улицам в разных направлениях медленно двигались люди, неся на коромыслах ведра, полные пенистого пива. Они с трудом расходились на узких, протоптанных в снегу тропинках и поздравляли друг друга с наступающим праздником. Никакого вина, конечно, в продаже не было, но зато в городе был пивной завод и по праздникам жителям разрешалось покупать пиво в неограниченном количестве.

Снег был чистый, белый. Он шапками лежал на столбах ворот, заборов, на крышах...

Данный текст является ознакомительным фрагментом.